

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-112-127

Е.В. Харитонова

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия)

НЕВОЗМОЖНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ БЕЗ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ: АРГУМЕНТЫ ИЗ ТЕОРИИ НООНОМИКИ

Аннотация: в статье рассматривается проблема перехода национальных хозяйственных систем к устойчивому экономическому росту в условиях современной турбулентности и фрагментации мировой экономики. На основе современной макроэкономической динамики и прогнозов международных организаций (МВФ, Всемирный банк, ОЭСР), можно сказать, что наблюдается замедление темпов роста мировой экономики и углубление сегментации торговли, где ключевую роль начинают играть не рыночные, а геополитические ценности. Вместе с тем анализ развития национальных хозяйственных систем (1961–2024 гг.) показал, что темпы экономического роста у стран существенно возрастают в периоды, когда развитие технологий сопровождается глубокими преобразованиями общества и непосредственно социальных институтов. Сегодня инновационная система – как на национальном уровне, так и в масштабе всей мировой экономики – не в состоянии обеспечить устойчивое расширенное воспроизводство, оставаясь в рамках исключительно рыночной парадигмы. Ведь инновации, вызванные к жизни развитием технологий и накоплением знаний, вступают в противоречие с устаревшими социальными институтами, ориентированными на экономическую эффективность и максимизацию прибыли. Для реализации потенциала новых технологий (таких как автоматизация, искусственный интеллект) требуется преодоление логики рыночного фундаментализма и переход к новым формам мотивации труда, где творчество и самореализация вытесняют материальное стимулирование. Социальные изменения, таким образом, становятся необходимым условием для развертывания инноваций: они создают соответствующую институциональную среду (новые формы собственности, распределения и управления), позволяющие знаниям стать непосредственной производительной силой. Без трансформации социальной структуры и ценностей технологические прорывы либо блокируются, либо ведут к нарастанию социального неравенства, а не к качественному развитию общества. В итоге делается вывод, что движение к ноообществу предполагает синергию технологических и социальных инноваций.

Ключевые слова: хозяйственные системы, инновационное развитие, устойчивый экономический рост, социальные изменения, механизм «созидательного разрушения», ноономика.

Для цитирования: Харитонова Е.В. (2026). Невозможность современного инновационного развития экономики без социальных изменений в обществе: аргументы из теории ноономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 5, № 2. С. 112–127. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-112-127

Elena V. Kharitonova

Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)

THE IMPOSSIBILITY OF MODERN INNOVATIVE ECONOMIC DEVELOPMENT WITHOUT SOCIAL TRANSFORMATIONS: ARGUMENTS FROM THE THEORY OF NOONOMY

Abstract: The article examines the problem of the transition of national economic systems to sustainable economic growth amid the current turbulence and fragmentation of the global economy. Based on contemporary macroeconomic dynamics and forecasts from international organizations – such as the IMF, World Bank, OECD – it can be observed that global economic growth is slowing, while trade segmentation is deepening, with geopolitical values increasingly taking precedence over market-based ones. At the same time, an analysis of the development of national economic systems (1961–2024) demonstrates that economic growth rates significantly increase during periods when technological advancement is accompanied by profound transformations in society and its social institutions. Today, the innovation system – both at the national level and across the global economy – is no longer capable of ensuring sustainable expanded reproduction while remaining within an exclusively market-based paradigm. This is because innovations driven by technological progress and the accumulation of knowledge come into conflict with outdated social institutions oriented toward economic efficiency and profit maximization. To fully realize the potential of new technologies (such as automation and artificial intelligence), it is necessary to overcome the logic of market fundamentalism and transition to new forms of labor motivation, where creativity and self-realization displace purely material incentives. Social transformations thus become a necessary condition for the deployment of innovation: they create an appropriate institutional environment (new forms of ownership, distribution, and governance) that enables knowledge to become a direct productive force. Without the transformation of social structures and values, technological breakthroughs are either constrained or lead to increasing social inequality rather than qualitative societal development. In conclusion, it is argued that the movement toward a noosociety presupposes a synergy between technological and social innovations.

Keywords: economic systems, innovative development, sustainable economic growth, social transformations, mechanism of “creative destruction”, noonomy.

For citation: Kharitonova E. V. (2026). The Impossibility of Modern Innovative Economic Development Without Social Transformations: Arguments from the Theory of Noonomy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*, Vol. 5, No. 2, pp. 112–127. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-112-127

Харитонова Е. В.

坦波夫国立大学 (俄罗斯, 坦波夫)

没有社会变革就不可能有当代经济创新发展——其智慧经济理论论据

摘要: 本文探讨了在当今世界经济动荡和碎片化的形势下, 各国经济体系向可持续经济增长转型的问题。根据当代宏观经济动态及国际组织 (国际货币基金组织、世界银行、经济合作与发展组织) 的预测, 可以认为全球经济增长速度正在放缓, 贸易分化日益加深, 对这种现象发挥关键作用的已不再是市场价值, 而是地缘政治价值。同时, 对各国经济体系发展 (1961–2024年) 的分析表明, 当技术发展伴随着社会及社会制度的深刻变革时, 各国的经济增长速度会显著提升。如今, 无论是国家层面还是全球经济层面, 创新体系若仅局限于纯粹的市场范式, 便无法确保可持续的扩大再生产。毕竟, 由技术发展和知识积累催生的创新, 与那些以经济效率和利润最大化为导向的过时社会制度产生了矛盾。要充分发挥新技术 (如自动化、人工智能) 的潜力, 就必须突破市场原教旨主义的思维定式, 转向新的劳动激励形式, 让创造力和自我实现取代物质激励。因此, 社会变革成为推动创新的必要条件: 它们营造了相应的制度环境 (新的所有制、分配和治理形式), 使知识能够直接转化为生产力。如果不进行社会结构和价值观的转型, 技术突破就会要么被阻碍, 要么导致社会不平等加剧, 而非推动社会的优质发展。最终得出结论: 迈向“智慧社会”的过程需要技术创新与社会创新的同步推进。

关键词: 经济体系、创新发展、可持续经济增长、社会变革、“创造性破坏”机制、智慧经济。

引用注释: Харитонова Е. В. (2026). 没有社会变革就不可能有当代经济创新发展——其智慧经济理论论据 // 智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 5, No. 2, pp. 112–127. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-2-112-127

Введение

Тема инноваций и возможностей инновационного развития привлекает все большее внимание мирового научного сообщества и общественности. Не вызывает сомнений, что без расширенного воспроизводства инноваций выход на траекторию устойчивого роста и развития национальных систем хозяйствования и в целом мирового хозяйства невозможно. Только технологический прогресс позволяет выйти за границы имеющихся ресурсных ограничений и перейти на новый уровень социально-экономической действительности. Именно благодаря ему многие пессимистические прогнозы Т. Мальтуса, Э. Хансена, П. Эрлиха, Р. Батры и других известных ученых не сбылись, демонстрируя нередко в определенные периоды просто феноменальный и стремительный рост производственных возможностей и производительных сил национальной и мировой хозяйственной системы. Вместе с тем, возникает вопрос: каковы должны быть условия, чтобы произошел НТП и расширенное воспроизводство инноваций.

Современные исследования развития национальных хозяйственных систем показывают, что переход к инновационному типу воспроизводства предполагает наличие одновременного действия определенных факторов, охватывающих самые различные сферы жизнедеятельности человека. Иными словами, простое наращивание прорывных технологических решений без учета институциональных, культурных, социальных и экологических условий не решает фундаментальные противоречия социально-экономического развития хозяйственных систем, а способно их только усугублять.

В условиях нарастания глобальных вызовов – от замедления экономического роста и стремительного увеличения социально-экономического и когнитивного неравенства до климатического кризиса и технологической безработицы – проблема перехода на траекторию инновационного развития приобретает первостепенное значение для хозяйственных систем, как на национальном, так и мировом уровне.

Стоит отметить, что, несмотря на высокую степень разработанности данной тематики исследований, наблюдается разрыв между пониманием механизма инновационного развития как стимулирующего технический прогресс, но порождающего экономические, социальные, экологические издержки (так называемого механизма «созидательного разрушения») и практическими инструментами их преодоления. Существующие модели либо абсолютизируют рыночную конкуренцию как единственный драйвер инноваций и в целом ограничиваются рамками рыночного фундаментализма, либо предлагают точечные меры, недостаточные для преодоления системных вызовов инновационного развития.

Преодоление этого разрыва требует концептуального пересмотра самой парадигмы. В этой связи целью исследования является обоснование необходимости перехода от традиционной парадигмы инновационного развития, основанной на рыночной конкуренции и извлечении технологической ренты, к трансформационному подходу в инновационной политике, ориентированному на снятие социальных, экологических и когнитивных противоречий, и определение ключевых направлений формирования нового социально-экономического уклада – ноономики.

Материалы и методы

Теоретической базой настоящего исследования послужили работы, посвященные историческим, институциональным, экономическим и социальным аспектам инновационного развития. Среди западных ученых это труды Дж. Мокира (о роли «культуры роста» и институциональных предпосылок инноваций), Ф. Агийона и П. Ховитта (о механизме «созидательного разрушения» и его социальных последствиях), а также Дж. М. Кейнса (о трансформации социальных норм по мере роста благосостояния). Среди отечественных исследований использованы работы С.Д. Бодрунова, развивающие концепцию ноономики как теоретического отражения нового социально-экономического уклада.

В данном исследовании тезис о необходимости руководствоваться в инновационной политике не только технологическим развитием и минимизацией экономических издержек, но и решением социальных и экологических задач, опирается на Программу ОЭСР по трансформационной политике в области науки, технологий и инноваций (2024 г.). Эмпирическую основу исследования составили доклады МВФ, Всемирного банка и ОЭСР, содержащие данные о динамике и прогнозах показателей экономического роста в мире, а также доклад о неравенстве доходов в мире (2026 г.).

Настоящее исследование предпринимает попытку анализа и синтеза вышеперечисленных работ – соединения идей о «культуре роста», механизме «созидательного разрушения», социальных нормах, трансформационном подходе к инновационной политике, эмпирических данных о неравенстве и ноономическом укладе в единую логику обоснования перехода к устойчивому инновационному развитию. Именно отсутствие такого анализа и синтеза в современной научной литературе определяет научную новизну и актуальность данного исследования.

Результаты и обсуждение

От промышленной революции к глобальным современным вызовам: эволюция инновационной парадигмы

Мировой научный консенсус относительно ключевой роли инноваций в экономическом развитии нашел свое яркое выражение в решении Нобелевского комитета в 2025 году, присудившего премию по экономике за «объяснение экономического роста, основанного на инновациях» – первую часть экономическому историку Джоэлю Мокиру, а вторую – Филиппу Агийону и Питеру Ховитту.

Джоэль Мокир, исследуя предпосылки первой промышленной революции и устойчивого экономического роста, показал, что их наступление нельзя считать закономерным и естественным, поскольку оно стало возможным лишь благодаря совпадению целого комплекса факторов. И если до первой промышленной революции развитие характеризовалось единичными инновациями, а экономический рост до 1800 года составлял всего лишь порядка 0,2% в год, то уже после 1800 года инновации воспроизводились непрерывным потоком, и по мере индустриализации стран экономический рост в среднем составлял 2% в год. Другими словами, если ВВП до промышленной революции удваивался за 350 лет, то после 1800 года – всего за 35 лет. Соответственно понимание движущих факторов – необходимое условие для расширенного воспроизводства инноваций и перехода к устойчивому экономическому росту.

Одним из важнейших достижений Джоэля Мокира можно считать детальный анализ факторов, лежащих в основе расширенного воспроизводства инноваций. Ученый выходит за рамки узкоэкономического подхода, трактуя инновации как результат взаимосвязи социальных, политических, культурных и научно-технологических условий. Особое внимание Мокир уделяет роли идей и знаний. Так, устойчивый экономический рост после 1800 года он объясняет уникальным сочетанием научного прогресса, развития технологий и «культуры роста», поощряющей обмен информацией. Ослабление политической централизации, фрагментация власти и межстрановая конкуренция создали рынок идей, обеспечили их распространение и взаимодействие теории с практикой. Именно соединение всех вышеперечисленных факторов обусловило начало промышленной революции в Великобритании [Мокир, 2017; Мокир, 2012]. При этом Мокир подчеркивает, что, например, в Китае или Османской империи промышленный переворот в тот период был невозможен из-за жесткой политической централизации, а в странах Африки препятствием стало низкое качество социально-экономических институтов¹.

Стоит отметить, что другие лауреаты нобелевской премии Филипп Агийон и Питер Ховитт рассмотрели другой аспект проблемы устойчивого экономического роста – как инновации в современной экономике воспроизводятся во времени. Для раскрытия механизма воспроизводства инноваций ученые использовали математическую модель «созидательного разрушения». Сам термин «созидательное разрушение» ввел Йозеф Шумпетер, понимая под ним процесс вытеснения устаревших технологий и неэффективных фирм более совершенными. В основе модели Ф. Агийона и П. Ховитта лежит парадокс: экономический рост ускоряется именно в условиях постоянного обновления – когда одни фирмы исчезают, уступая место другим, новые товары вытесняют старые, а на смену одним рабочим местам

¹ Науменко Н. Революция ума. За что вручили премию Нобеля по экономике в 2025 г. URL: <https://nplus1.ru/blog/2025/10/17/economic-nobel-2025> (дата обращения: 10.02.2026 г.).

приходят другие. Единственным источником долгосрочного роста в этой модели выступает бесконечный цикл: инновация → выход на рынок → разрушение монопольной ренты → следующая инновация¹.

Соответственно, инновация с одной стороны несет за собой созидательное начало, представляя собой нечто новое и креативное, а с другой стороны разрушительное начало – поскольку вытесняет компании, чьи технологии устаревают.

Подобная динамика порождает конфликт интересов между новыми фирмами, стремящимися на рынок, и действующими игроками, которые пытаются защитить свои позиции. Инструментом защиты зачастую становится лоббирование, направленное на ограничение возможностей для входа на рынок. Кроме того, функционирующие фирмы нередко инвестируют в новые технологии меньше, чем это было бы выгодно обществу. Последнее связывают с тем, что компании не хотят терять ресурсы, вложенные в старые технологии, поэтому намеренно ограничивают процессы инвестирования и переход на новые технологии [Aghion, Howitt, 1990].

Вместе с тем массовое внедрение новых технологий нередко ведет к возникновению технологической безработицы, что создает социальное напряжение. Как показывает практика, даже располагая передовыми технологиями, предприятия и государство могут сознательно сдерживать их массовое внедрение, чтобы избежать резкого роста безработицы и дать рынку труда время на адаптацию. Таким образом, государство сталкивается с необходимостью поиска баланса: с одной стороны, стимулировать инновации для роста, а с другой – сглаживать социальные последствия этого процесса, возможно, временно ограничивая скорость технологических преобразований ради долгосрочной стабильности.

Другими словами, модель механизма воспроизводства инноваций Ф. Агийона и П. Ховитта показала неоднозначную нелинейную взаимосвязь между конкуренцией и инновациями, то есть не только слабая, но сильная конкуренция могут способствовать замедлению инноваций.

Таким образом, научные исследования Дж. Мокира, Ф. Агийона и П. Ховитта показывают, что устойчивый экономический рост является результатом непрерывного процесса обновления идей, институтов, технологий. В этой связи необходимо развитие инклюзивных институтов, призванных решать двуединую задачу: с одной стороны, поддерживать конкуренцию, защищать права собственности и обеспечивать вложения в науку, образование и культуру; с другой – достигать баланса между поддержкой функционирующих компаний и допуском на рынок новых игроков.

Эта двуединая задача, стоящая сегодня перед государствами, удивительным образом перекликается с идеями, высказанными задолго до формализации теории «созидательного разрушения». Еще в 1931 г. Дж. М. Кейнс в своем эссе «Экономические возможности наших внуков» попытался заглянуть за горизонт текущего кризиса. Стоит отметить, что данное эссе вышло во время Великой депрессии, в период, который сама возможность дальнейшего экономического роста подвергалась сомнению, предрекались великие вековые стагнации. Такой пессимистический взгляд Дж. М. Кейнс не разделял и указывал, что возникшие противоречия и экономический кризис связан с крайне быстрыми технологическими измене-

¹ Для роста экономики нужны разрушение и хаос. За что дали Нобелевскую премию по экономике в 2025 году. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=11018541> (дата обращения: 11.02.2026 г.).

ниями, к которым хозяйственная система не успевает адаптироваться [Золотов, 2015]. Ученый достаточно точно предсказал на ближайшие 100 лет экономический рост и повышение благосостояния населения в 4–8 раза [Кейнс, 2009, с. 63]. И вместе с тем Дж. М. Кейнс показал, что дальнейшее социально-экономическое развитие при достижении высокого уровня общественного благосостояния определяется необходимостью значительных социальных изменений, затрагивающих, прежде всего, изменение социальных норм. И действительно если материальные стимулы трудиться при высоком уровне благосостояния перестают действовать, то социальные нормы должны отражать нематериальные стимулы трудиться, созидать нематериальные ценности, формировать другое ощущение времени (настоящее все больше играет роль, чем будущее) [Кейнс, 2009].

Соответственно возрастающее значение приобретают социальные факторы и нерыночные ценности. Последнее подтверждает мировой опыт развития стран со второй половины XX века по настоящее время. Если мы возьмем временной интервал – за период 1961–2024 гг., то среднегодовой темп роста мирового ВВП будет составлять 3,46 %. В рамках этого периода максимальный рост в 6,6 % был достигнут в 1964 г., а минимальное значение (–2,8 %) – в 2020 г.

Вместе с тем можно увидеть, что темпы экономического роста развитых стран существенно возрастают после Второй мировой войны, когда развитие технологий сопровождается глубокими преобразованиями общества и непосредственно социальных институтов. Данный период получил название «Славное тридцатилетие», при котором в США среднегодовой темп роста составил 2,5 %, в Западной Европе – 3,8 %.

На сегодняшний момент, несмотря на устойчивость, проявленную мировой экономикой в условиях череды потрясений (коронавирус, санкции, военные конфликты), ее темпы роста в настоящее время все еще не достигли среднегодового темпа роста мирового ВВП в 3,46 % (рис. 1).

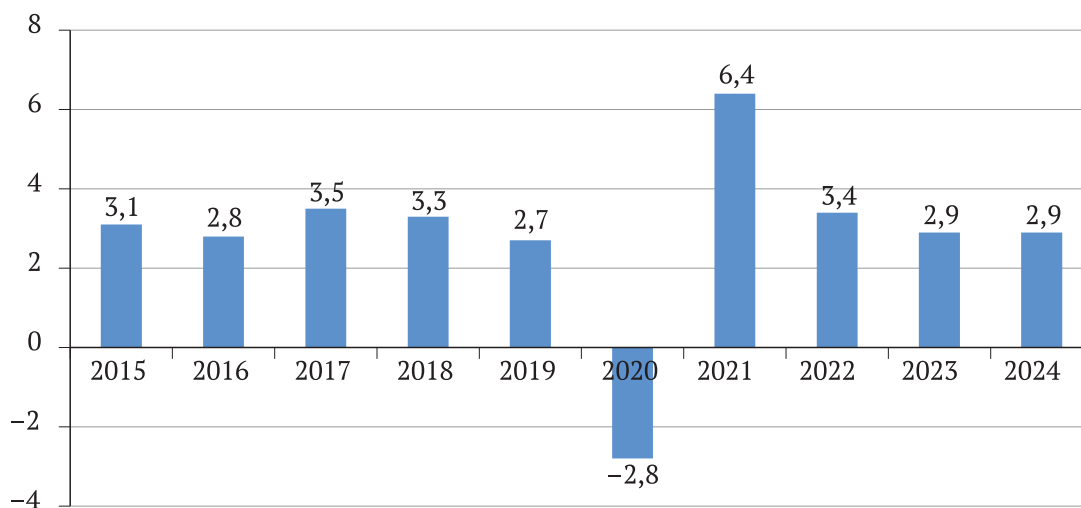

Рис. 1. Годовой рост ВВП в мире, %

Источник: составлено автором по официальным данным¹

¹ Мировой рост ВВП за год. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/world/full-year-gdp-growth> (дата обращения: 15.11.2025).

На 2025 г. по разным оценкам МВФ, Всемирного банка, ОЭСР ожидаемое значение роста мирового ВВП варьируется от 2,3 до 3,2 %¹. В целом, до 2027 г. по прогнозам не ожидается какой-то глубокой рецессии, однако большая вероятность замедления экономического роста мировой экономики в среднем на уровне 2,5 %.

Стоит отметить, что последствия пандемии COVID-19 не ограничились ущербом здоровью населения: она подорвала социальную стабильность, финансовую систему и функционирование многих отраслей. На фоне этих потрясений обострившийся геополитический кризис спровоцировал сбои в глобальных цепочках поставок, перестройку торговых потоков и фрагментацию мирового хозяйства. Реакцией на данные процессы стал рост протекционизма, стремление стран к большей хозяйственной автономии, снижение взаимозависимости и, как следствие, разделение мировой экономики на мега-блоки. В последних торговых соглашениях исходят уже не из рыночных ценностей (максимизации прибыли, свободы торговли, предпринимательства и т.д.), а скорее – геополитических ценностей, недобросовестной конкуренции, хищнической стратегии «дешевые ресурсы любой ценой».

Данные тенденции способствовали углублению сегментации мировой торговли и глобальных цепочек стоимости. Наблюдался опережающий рост товарооборота между странами с близкими геополитическими позициями: их взаимная торговля увеличивалась в среднем на 4 % в год быстрее по сравнению с торговлей между геополитически отдаленными государствами. Произошла торговая переориентация: США стали меньше закупать в Китае (снижение с 21,8 % до 13,7 % импорта), но при этом больше – в Мексике (рост до 15,4 %). Аналогичный разрыв углубился между Россией и ЕС. В этих условиях выиграли нейтральные страны-посредники, такие как Мексика, Вьетнам, ОАЭ и Турция. Следует отметить, что разделение торговли на блоки по прогнозам на ближайшую перспективу сохранится, однако странам-посредникам все сложнее будет поддерживать статус нейтралитета².

В итоге, мировая экономическая система функционирует в обстановке нестабильности, высокой степени неопределенности и внутренних противоречий, а векторы социально-экономического развития разных стран при этом существенно расходятся.

Несмотря на вышеперечисленные негативные явления, долгосрочные прогнозы авторитетных международных организаций в отношении мировой экономики остаются достаточно оптимистическими. Так, 15 марта 2024 г. в своем докладе директор-распорядитель МВФ Кристалина Георгиева спрогнозировала два возможных сценария развития мировой экономики на предстоящее столетие – «низкоамбициозный сценарий» и «высокоамбициозный сценарий». При этом и тот и другой сценарий, предполагают положительный экономический рост, при котором уровень жизни населения растёт. В частности, при «низкоамбициозном сценарии» мировой ВВП примерно вырастет в три раза, а уровень жизни в два раза выше по отношению к настоящему моменту времени. При «высокоамбициозном сценарии» мировой ВВП вырастет в 13 раз, а уровень жизни – в девять раз относительно

¹ МВФ: Перспективы развития мировой экономики. Мировая экономика в тени войны. URL: <https://www.imf.org/ru/publications/weo/issues/2026/04/14/world-economic-outlook-april-2026> (дата обращения: 04.04.2026); Всемирный банк: Перспективы мировой экономики на 2026–2027 гг. URL: <https://invexi.org/ru/press/world-bank-global-economic-prospects-for-2026-2027/> (дата обращения: 04.04.2026); Экономический прогноз ОЭСР. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-outlook-volume-2025-issue-2_9f653ca1-en.html (дата обращения: 04.04.2026).

² Мониторинг мировой экономики и геополитических рисков. URL: <https://wec.hse.ru/mirror/pubs/share/1021755033.pdf> (дата обращения: 18.02.2026).

сегодня¹. При этом в докладе отмечается необходимость решения проблем экономического неравенства и экологии, которые продолжают нарастать.

Такие однозначные достаточно оптимистические прогнозы будущего развития вызывают сомнения, так как нет конкретно прописанных мер, как мы решим вышеуказанные проблемы, чтобы достичь прогнозных показателей.

В частности, в Докладе о неравенстве доходов в мире 2026 г. показано, что сегодня 10 % богатейших людей мира зарабатывают больше, чем остальные 90 %, а беднейшая половина получает менее 10 % от общего дохода. Владение богатством еще не равномернее: 10% владеют 75 % мирового капитала, в то время как беднейшие 50 % – лишь 2 % (рисунок 2).

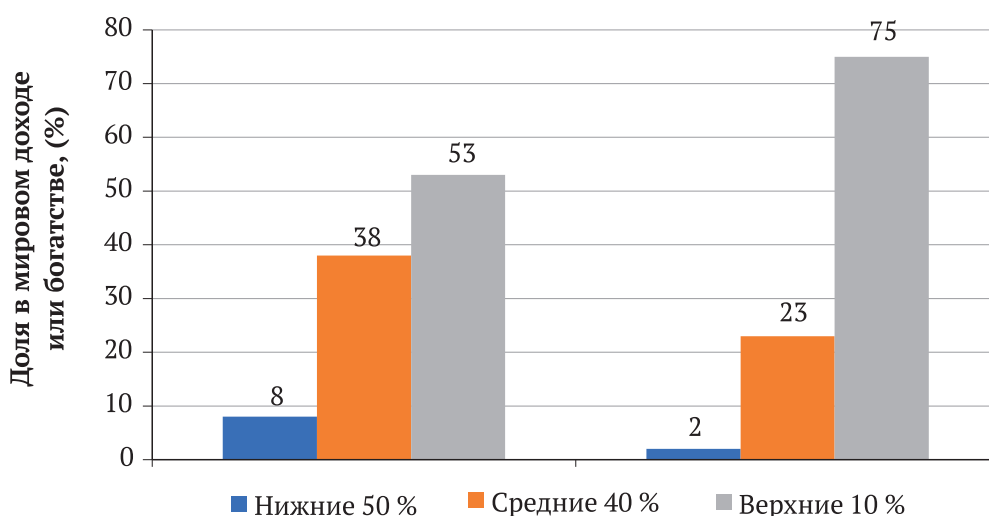

Рис. 2. Доля глобального дохода или богатства на группу населения, 2025 г.

Источник: Доклад о неравенстве в мире (2026 г.)².

При этом 0,001 % богатейших (менее 60 тыс. мультимиллионеров) владеют втрое большим богатством, чем половина населения мира. Их доля выросла с 4 % в 1995 г. до 6 % сегодня, что подчеркивает устойчивый характер неравенства.

К тому же в Докладе о неравенстве доходов в мире 2026 г. отмечается, что климатический кризис представляет собой коллективный вызов, его воздействие и причины распределены крайне неравномерно (рисунок 3).

Так, согласно рисунку 3, беднейшие 50 % населения производят только 3 % выбросов, связанных с частной собственностью на капитал, тогда как на долю 10 % самых богатых приходится 77 %. Концентрация еще выше на уровне верхнего дециля: 1 % наиболее состоятельных людей отвечает за 41 % выбросов в этой категории, что почти вдвое превышает суммарный показатель 90 % наименее обеспеченных. Данное неравенство напрямую коррелирует с уязвимостью: группы с минимальным уровнем выбросов – преимущественно население стран с низкими доходами – подвержены наибольшему климатическому риску.

¹ Георгиева К. Экономические возможности моих внуков. URL: <https://www.imf.org/ru/news/articles/2024/03/08/sp031424-kings-college-cambridge-kristalina-georgieva> (дата обращения: 21.02.2026).

² Доклад о неравенстве в мире (2026 г.). URL: https://wir2026.wid.world/www-site/uploads/2025/12/WIR26_Executive_Summary_Russian.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

Напротив, основные виновники выбросов обладают ресурсами для эффективной адаптации и смягчения последствий.

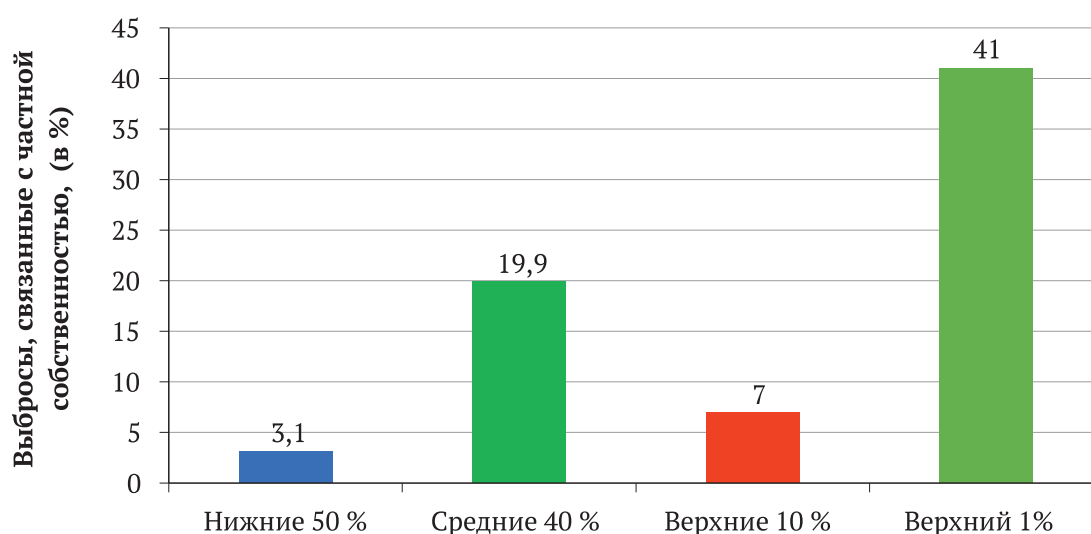

Рис. 3. Выбросы, связанные с частной собственностью, 2022 г.

Источник: Доклад о неравенстве в мире (2026 г.)¹.

Соответственно такая высокая степень неравенства по уровню жизни и благосостоянию населения значительно ограничивает воспроизводство необходимого человеческого капитала, способного к инновациям, а также в целом усиливает социальную и политическую напряженность в обществе.

Таким образом, аналитические данные о росте экономического и климатического неравенства и особенности их взаимосвязи, представленные в Докладе о неравенстве доходов в мире 2026 г. демонстрируют, что «низкоамбициозные» или «высокоамбициозные» сценарии роста недостижимы без кардинальной трансформации механизмов технологического развития. Требуется переход от политики, стимулирующей инновации ради самих инноваций, к политике, где инновации являются инструментом решения социальных и экологических задач, ориентируются на общественные ценностные изменения, предполагают ключевую роль кооперации и партнерства. Именно такая методологическая основа задается в Программе ОЭСР по преобразованию политики в сфере науки, технологий и инноваций, где представлен трансформационный подход к инновационной политике (данные представлены в таблице 1)².

Анализ работ Дж. Мокира, Ф. Агийона, П. Ховитта, Дж. М. Кейнса, доклада о неравенстве доходов в мире и программы ОЭСР по преобразованию политики в сфере науки, технологий и инноваций подводит нас к главному выводу: переход к устойчивому экономическому росту и инновационному развитию требует разрешения фундаментальных противоречий (в частности, социальных, экологических, когнитивных), которые выходят за рамки чисто рыночной парадигмы «созидательного разрушения». Объединяя эти идеи, мы при-

¹ Доклад о неравенстве в мире (2026 г.). URL: https://wir2026.wid.world/www-site/uploads/2025/12/WIR26_Executive_Summary_Russian.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

² Программа ОЭСР по преобразованию политики в сфере науки, технологий и инноваций. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/04/oecd-agenda-for-transformative-science-technology-and-innovation-policies_5ced463a/ba2aaf7b-en.pdf (дата обращения: 17.02.2026).

Таблица 1

Сравнительный анализ традиционного и трансформационного подхода
к инновационной политике¹

Традиционный подход	Трансформационный подход
• сфокусирован на производстве знаний, технологий и инноваций для повышения конкурентоспособности и экономического роста; • движущая сила – концепции научного превосходства (основаны на публикационной активности) и экономических эффектов; • ориентирован на начальные стадии инновационного цикла (научные и технологические достижения); • сосредоточен исключительно на создании новизны; • поддерживает конкретные, не связанные между собой управленческие системы; • предполагает узкую линейку инструментов инновационной политики и повышение их эффективности	• направлен на решение экономических и социальных проблем для достижения целей устойчивого развития; • движущая сила – ценности в широком понимании, согласованные с целями трансформации (междисциплинарность, принятие рисков, создание дополнительной социальной или экологической ценности); • более целостный подход, включающий инвестиции в инфраструктуру, создание новых рынков, поддержку связанных навыков и поведения, формирование совместных пространств и новых партнерств; • активно способствует выводу из эксплуатации технологий, наносящих социальный и экологический ущерб; • системный подход, скоординированный на нескольких уровнях управления; • экспериментальный и гибкий портфель инструментов политики на пересечении нескольких тематических областей (например, окружающая среда и безопасность)

ходим к пониманию, что современные технологии требуют не просто «настройки» старых институтов, а формирования принципиально нового социального уклада. Концепция ноономики как раз и претендует на роль теоретического отражения этого уклада, именуемого новым индустриальным обществом второго поколения.

Ноономика как стратегический ответ на цивилизационные вызовы

Концепция ноономики, разрабатываемая под руководством члена-корреспондента РАН С. Д. Бодрунова, исходит из того, что современный этап развития знаменует собой исчерпанность индустриально-капиталистической модели. Ее ключевые противоречия – ресурсное истощение, финансиализация, когнитивное неравенство и кризис классической парадигмы «экономикс» – не могут быть разрешены в рамках действующей системы. Ноономика же представляет собой интеллектуально-креативную парадигму, которая органично вбирает в себя все выделенные нами тенденции и выводит их на новый уровень [Бодрунов, Глазьев, 2023].

Рассмотрим подробнее, в какой мере ноономика отвечает каждому из перечисленных вызовов и тенденций.

¹ ОЭСР призывает к трансформации инновационной политики. URL <https://issek.hse.ru/news/930524717.html> (дата обращения: 17.02.2026).

1. Преодоление парадокса «созидательного разрушения» через солидаризм и кооперацию. Стоит отметить, что в модели Ф. Агийона и П. Ховитта инновация всегда несет двойственное начало (созидание для одних и разрушение для других), а в ноономике данное противоречие может быть преодолено. Основой нового уклада становится солидаризм – кооперация интересов ради общественного блага, осознанное стремление к компромиссу и социальному сотрудничеству [Бодрунов, 2024, с.19]. Последнее не отменяет, на наш взгляд, конкуренцию как таковую, а изменяет ее предмет. Так, в модели Ф. Агийона и П. Ховитта фирмы конкурируют за исключительность (право владеть технологией и изымать ренту), тогда как в ноономике акцент смещается на включенность и креативность. Другими словами, фирмы перестают конкурировать за счет сокрытия знания в целях извлечения монопольной ренты. Они начинают конкурировать за счет способности привлекать таланты и скорости горизонтальной кооперации. И именно последнее определяет в долгосрочном плане значительный экономический эффект, который в итоге капитализируется рынком, но с существенным временным лагом. Вместе с тем в краткосрочном периоде рынок не в состоянии адекватно оценить экономические эффекты от развития горизонтальных связей и их способности к воспроизводству новых знаний, так как существуют проблемы денежной оценки результатов интеллектуального труда, а также не учитывает эффекты, связанные с важнейшими эмерджентными свойствами горизонтальной системы – устойчивостью, адаптивностью, идентичностью – которые определяют функционирование фирмы в долгосрочной перспективе. При этом в условиях конкурентной борьбы менее эффективные горизонтальные сети перестраиваются и адаптируются, без банкротств отдельных узлов (в частности фирм). Сравнительная характеристика двух типов конкуренции представлена в таблице 2.

Таблица 2

Сравнительная характеристика двух типов конкуренции

Конкуренция в индустриально-капиталистической системе	Конкуренция в ноономике
за исключительность	за включенность
сокрытие знания	скорость кооперации
изъятие ренты	привлечение талантов

Источник: составлено автором

В качестве примера нового типа конкуренции может служить феномен открытых инноваций в период пандемии Covid-19. В условиях пандемийного кризиса многие компании и исследовательские центры добровольно отказались от сокрытия знания и извлечения монопольной ренты. Так, вакцина против Covid-19 Oxford-AstraZeneca распространялась на некоммерческой основе, открытые платформы объединили тысячи малых фирм и исследователей без патентных барьеров. При такой конкурентной борьбе выиграли те сети, которые показали максимальную скорость горизонтальной кооперации и привлечения талантов, а не те, кто скрывал данные. Компании с менее эффективными результатами не становились банкротами, а переориентировались, передавая ресурсы и информацию более успешным сетям. Следует отметить, что по окончании острой фазы пандемийного кризиса многие компании вернулись к патентной модели функционирования. Тем не менее, дан-

ный феномен открытых инноваций наглядно показал, что горизонтальная кооперация и солидаризм эффективны, когда общественная цель доминирует над частной выгодой.

Таким образом, если Ф. Агийон и П. Ховитт объяснили механизм ускорения роста через «созидательное разрушение», то ноономика предлагает путь к «созиданию», которое не сопровождается деструктивными социальными последствиями. Последнее предполагает смену предмета конкуренции – переход от извлечения монопольной ренты к приращению общественного интеллектуального капитала.

2. Развитие идей Дж. Мокира: от «культуры роста» к «ноочеловеку». Так, если Дж. Мокир раскрыл важность культуры, поощряющей обмен информацией, то С.Д. Бодрунов в концепции ноономики развивает данный тезис в направлении формирования «ноочеловека» – субъекта смыслотворчества, для которого творчество и развитие становятся высшими ценностями [Бодрунов, 2025, с. 19-20]. Это соответствует тому самому изменению социальных норм и переходу к нематериальным стимулам, о которых писал Дж. М. Кейнс. Процесс социализации общества, выделяемый как один из четырех векторов ноотрансформации, означает, что человек обретает все большую социальную ответственность, а его поведение формируется на основе нравственных ценностей, а не только рыночной выгоды. Таким образом, «культура роста» Дж. Мокира трансформируется в культуру творческой самореализации.

Однако не вызывает сомнений, что экономический рост и повышение благосостояния автоматически не порождают такого «ноочеловека». Исторический опыт последних десятилетий показывает, что освободившееся от нужды время с равным успехом может заполняться как созидательной деятельностью, так и гедонистическим потреблением. Поэтому переход к ноообществу невозможен без целенаправленной культурной и антропологической политики, формирующей соответствующие ценности и модели поведения.

3. Ответ на трансформационный подход ОЭСР: от «экономики знаний» к ноономике. Трансформационный подход ОЭСР требует ориентации на общественные ценности и решение социальных задач. Ноономика же задает логику, в которой их согласование эмерджентно вытекает из самой структуры, а не достигается через дополнительное звено. При этом важнейшее различие проводится между «экономикой знаний» и ноономикой. Экономика знаний все еще капитализирует интеллектуальные продукты, превращая их в товар. Ноономика же знаменует отказ от этой капитализации в пользу открытых экосистем и горизонтального когнитивного сотрудничества. Вводя понятие «кристаллизации ноономики» как сетевой модели, теория показывает, что ядром развития становится само творчество и кооперативное производство смыслов [Бодрунов, 2025, с. 23].

4. Решение проблемы технологической безработицы и экономического неравенства. Острейшая проблема, порождаемая «созидательным разрушением», – технологическая безработица. Ноономика предлагает рассматривать этот процесс не как угрозу, а как высвобождение жизненного времени человека для творческой самореализации. Цифровизация и автоматизация (NBICS-конвергенция) ведет к сокращению механизированного труда, но именно в рамках нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) создаются условия для перехода к «нематериализуемой» деятельности – деятельности интеллектуальной, творческой, основанной на уникальных человеческих качествах. Последнее требует модернизации образования и систем переподготовки, формирующих гибкие компетенции и креативные навыки [Бодрунов, 2025, с. 21-22]. О формировании уже сегодня соответству-

ющих институтов свидетельствует принятие 16 июня 2022 года ЕС Рекомендаций о микро-степенях (микроквалификаций) в развитие непрерывного образования и роста занятости. Они призваны гармонизировать процессы разработки и признания микроквалификаций по всему Евросоюзу – как в государственном, так и в частном секторе.

Вместе с тем следует заметить, что сегодня мы видим не только экономическое неравенство, но и когнитивное неравенство. Способность к творчеству, генерации новых смыслов и сложной интеллектуальной деятельности распределена в обществе неравномерно от природы и неравномерно развивается под воздействием социальной среды. В этой связи возникает опасность перехода от классового общества к кастовому (феодалному) обществу, на новом технологическом базисе. Соответственно необходимо обеспечить развитие институтов образования и науки, направленных на снижение когнитивного неравенства, а также создания среды, где каждый сможет найти свой вид творчества (не обязательно только связанного с прорывными технологиями).

5. Диффузия собственности как основа новых производственных отношений. Ноономика учитывает и реальные изменения в структуре собственности – так называемую диффузию собственности. Индивидуальные права собственности трансформируются к гибким и более отчужденным формам владения и пользования (акционерное, ассоциативная форма владения и пользования, государственно-частное партнерство и т.д.). Это создает предпосылки для нового типа хозяйственной мотивации, где владение и пользование перестают быть жестко привязаны к индивидууму, уступая место коллективным и сетевым формам [Бодрунов, 2022, с. 20]. В таких условиях инновации создаются не для извлечения монопольной ренты (как в модели Ф. Агийона и П. Ховитта), а для развития всей экосистемы.

Таким образом, ноономика выступает не просто абстрактной теорией, а стратегическим ответом на глобальные цивилизационные вызовы.

Выводы

Проведенный анализ показал ограниченность традиционной рыночной парадигмы в рамках действующего механизма «созидательного разрушения» Ф. Агийона и П. Ховитта. Инновации в этой модели неизбежно порождают технологическую безработицу, когнитивное и экономическое неравенство, а также экстернальные экологические издержки. Ключевая проблема заключается в том, что конкуренция за монопольную ренту стимулирует сокрытие знаний и блокирует потенциал горизонтальной кооперации. Следовательно, дальнейшее следование логике «созидательного разрушения» без смены целевых ориентиров ведет не к устойчивому развитию, а к воспроизводству системных кризисов. Опираясь на идеи Дж. Мокира и Дж. М. Кейнса, можно утверждать, что одних технологических и институциональных условий недостаточно. «Культура роста», поощряющая обмен информацией, должна быть дополнена целенаправленной культурной и антропологической трансформацией. Требуется переход к политике, где инновации становятся инструментом решения социальных и экологических задач, а не самоцелью.

Концепция ноономики (С.Д. Бодрунов) предлагает именно такой механизм. Она снимает парадокс «созидательного разрушения» через солидаризм и кооперацию, меняя предмет конкуренции: с извлечения монопольной ренты на приращение общественного интеллектуального капитала. Тем самым ноономика объясняет, как организовать «созидание» без деструктивных социальных последствий.

Ноономика предполагает формирование «ноочеловека» – субъекта смыслотворчества, для которого творчество становится высшей ценностью (развитие идей Дж. М. Кейнса и Дж. Мокира). Технологическая безработица переосмысливается как высвобождение времени для немашинизируемой творческой деятельности. Одновременно диффузия собственности создает материальную основу для нового типа хозяйственной мотивации, ориентированной на развитие всей экосистемы, а не на защиту активов.

В исследовании в качестве главного вызова современности показано когнитивное неравенство и угроза нового кастового общества. Без целенаправленного развития институтов образования и науки, направленных на снижение когнитивного неравенства и создание среды для разнообразных форм творчества, технологический прогресс лишь закрепит элитарный доступ к инновационной деятельности.

Таким образом, устойчивый инновационный рост невозможен в рамках индустриально-капиталистической парадигмы, основанной на конкуренции за исключительность. Единственный способ выйти на траекторию устойчивого экономического роста, избежав ловушек неравенства, экологических катастроф и социальных конфликтов – это формирование нового социально-экономического уклада. Переход к нему требует не просто технологических, но целенаправленных культурных, антропологических и институциональных преобразований, ставящих во главу угла солидаризм, кооперацию и приращение общественного интеллектуального капитала.

Список источников

- Бодрунов С.Д. (2025). От экономики – к ноономике (тезисы к вопросу о стратегировании интеллектуально-креативного аспекта (НОО) трансформации общества // Экономическое возрождение России. №1(83). С.5-31. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-1-83-5-31.
- Бодрунов С.Д. (2024). Ноономика и ее роль в разрешении проблем современности: теоретические аспекты и практика управления социально-экономическим развитием // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3, № 4. С. 13–21. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-4-13-21.
- Бодрунов С.Д., Глазьев С.Ю. (2023). Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте; М.: Центркаталог. 340 с.
- Бодрунов С.Д. (2022). Научно-технический прогресс и трансформация общества: ноономика и ноообщество. Часть 1 // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1, № 1. С. 24–42. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-24-42.
- Золотов А.В. (2015). Маркс и Кейнс о сокращении рабочего времени: прогнозы не сбывшиеся, но гениальные // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. №4 (40). С.27–45.
- Кейнс Дж.М. (2009). Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. № 6. С. 60–67.
- Мокир Дж. (2017). Просвещенная экономика Великобритании и промышленная революция 1700–1850 гг. / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Институт Гайдара, 792 с.
- Мокир Дж. (2012). Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний / пер. с англ. Н. Эдельмана; под ред. М. Ивановой. М.: Иэд. Института Гайдара. 408 с.

Aghion P.M., Howitt P.W. (1990). A Model of Growth Through Creative Destruction // NBER Working Paper. № 3223. DOI: 10.3386/w3223.

References

- Bodrunov S. D. (2025). From Economy to Noonomy (Theses on the Issue of the Intellectual-Creative Aspect Strategy of the Societal (Noo) Transformation). *Economic Revival of Russia*. Vol. 83. No. 1. Pp. 5-31. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-1-83-5-31 (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2024). Noonomy and its Role in Resolving the Issues of Modernity: Theoretical Aspects and Practice of Managing Social and Economic Development. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 3. No. 4. Pp. 13-21. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-4-13-21 (In Russ.).
- Bodrunov S. D., Glazyev S. Y. (2023). *Regularities of the Noonomy Foundations Formation as Future Social Order: To Know and Operate*. St. Petersburg: S. Y. Witte INID; Moscow: Centercatalog. 340 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2022). Scientific and Technological Progress and Transformation of Society: Noonomy and Noosociety. Part 1. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 1. No. 1. Pp. 24-42. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-24-42 (In Russ.).
- Zolotov A. V. (2015). K. Marx and J. M. Keynes About the Reduction of Working Time: Failed, but Brilliant Forecasts. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences*. Vol. 40. No. 4. Pp. 27-45. (In Russ.).
- Keynes J. M. (2009). Economic Possibilities for Our Grandchildren. *Problems of Economics*. No. 6. Pp. 60–67. (In Russ.).
- Mokyr J. (2017). *The Enlightened Economy: Britain and the Industrial Revolution, 1700-1850*. Translation from English by N. Edelman. Moscow: Gaidar Institute. 792 p. (In Russ.).
- Mokyr J. (2012). *The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy*. Translation from English by N. Edelman. Moscow: Gaidar Institute. 408 p. (In Russ.).
- Aghion P.M., Howitt P. W. A. (1990). Model of Growth Through Creative Destruction. *NBER Working Paper*. No. 3223. DOI: 10.3386/w3223.

Информация об авторе

Харитонова Елена Владимировна

доцент кафедры экономики и управления ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», кандидат экономических наук, доцент (392000, РФ, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33)

E-mail: lena538639@yandex.ru

Information about the author

Elena V. Kharitonova

Assistant Professor at the Department of Economics and Management, Derzhavin Tambov State University, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (33 Internatsionalnaya ul., Tambov, 392000, Russia)

E-mail: lena538639@yandex.ru